

О П У Т Я Х Ж И З Н И

ПОСТАНОВКА «Золотой кареты» на сцене Художественного театра — значительное явление нашей литературно-театральной жизни. Театр сумел с таким творческим, любовным вниманием прочесть пьесу, выявить и заставить зазвучать все ее мотивы, что еще раз подтвердилась старая и простая истина: настоящая драматургия, хотя и существует, конечно, самостоятельно и независимо, как литература, — все же настолько связана со сценой, делается для сцены, что пьеса нередко становится понятной в своей подлинной сущности зрителю после спектакля, как это случилось, например, когда-то с чеховской «Чайкой». Конечно, для этого спектакль должен быть в уровень с пьесой. Читать «Золотую карету» глазами Художественного театра — значит читать ее так, как она написана.

Снова Леонид Леонов в этой пьесе выступает за строгое и высокое отношение к жизни, как к подвигу, вызывая зрителя, читателя на раздумье о двух взаимоисключающих стилях существования человека на земле: о трудных и легких путях; о жизни настоящей, за свой счет и для людей, и о жизни за чужой счет и только для себя; о разных вариантах приживальства, выступающих нередко под красивыми масками; о двух понимании человеческой задачи: строить, прокладывать дороги или стремиться к приятной поездке по укатанным дорогам в даровой золотой карете легкой судьбы. Пьеса наполнена грозным воздухом войны, ее действие развергивается тотчас после окончания боев. Но это лишь усиливает, обостряет все ее мотивы и ее главную тему, — самые же эти мотивы и тема сохраняют все свое живое значение и для войны, и для мира. И это показывает прочность произведения, сработанного надолго.

Этой теме, заветной для Леонова, была посвящена и отличная его довоенная пьеса «Обыкновенный человек». Она была более бытовой, непосредственно житейской, более, как говорится, «характерной». В атмосфере «Золотой кареты» гораздо большее значение имеют второй план, образы, устремленные к большим философским, моральным поэти-

ческим обобщениям. Строгая верность трудной жизненной правде отличает эту пьесу со сказочно легким названием.

Язык ее положительных персонажей не всегда индивидуально характерен и порою звучит, как язык одного героя; однако в данном случае это не недостаток, а особенность поэтики пьесы с ее лирической монологичностью; язык «Золотой кареты» вместе с тем богат, многокрасочен, это язык героико-романтический и иронически трезвый, он сверкает неповторимым леоновским, как будто немного нарочито старомодным, немного нарочито громоздким юмором, часто сатирическим, презрительно свысокая рвущим пошлость, подлость, черствую скудость эгоизма, трусость, и особенно добрым, когда хочет приласкать хороших людей.

Действие «Золотой кареты» — резко выявленное, глубокое и значительное. Противоборствующие в пьесе два отношения к действительности представлены каждое своей группой персонажей, и в свою очередь, каждый персонаж выражает особый вариант одного из двух противопоставленных стилей существования. В пьесе нет нейтральных реплик, каждая стреляет в ту или другую сторону. На войне, как на войне. Это замечательная особенность «Золотой кареты»: в ней действительно идет непрерывная война. Каждый сюжетный ход, каждый мельчайший поворот, каждый нюанс мысли, кажется, любое слово войдут, действительны: ведут действие и ведомы действием. Война, только что закончившаяся, еще дышит горячо, всей грудью, еще далеко не все улачено по ее счетам, и это выражено и в самой композиции, и во всем поэтическом составе «Золотой кареты». Да и разве закончилась война между героизмом и трусостью, великодушием и малодушием, жизнью для людей, для народа, для человечества — и жизнью в свое брюхо», как любил выражаться Ф. М. Достоевский? Страсть этой войны — страсть пьесы Леонова. Эта страсть имеет прошлое, настоящее и будущее.

А в глубине пьесы есть уважительная, дружески-ироническая усмешка над мудро-наивной простотой всем известной сказки об

«Золотая карета»
Леонида Леонова
на сцене МХАТ

одной очень бедной и очень достойной девочке, за которой так заслуженно, с такой (если можно так выразиться) волшебной **естественной** прямолинейной справедливостью приехала золотая карета — в награду за скромный свет подвига самоотвержения, который несла эта девочка людям. Совсем не так просто, не так очевидно ясно обстоит дело с золотыми каретами счастья, как об этом рассказывается в сказке, радость и горечь слишком тесно переплетены в жизни, и порою их трудно отделить, потому что одна зовет другую. Пафос сложности жизни, переплетенности в ней противоречий, суровый пафос характерен для пьесы.

Конечно, в таких чертах художественного своеобразия «Золотой кареты», как ее устремление к обобщениям поэтическим фигурам-обозначениям авторской мысли, когда порою важно не столько воплотить образы-характеры во всей их индивидуальной конкретности, сколько дать наиболее ясное поэтическое представление о **двух образах жизни**, страстно утвердив один и гневно осудив другой: в лирическом монолизме; в таком «избирательном» отношении к бытовой детали, к непосредственной житейской достоверности, когда берется только такая деталь, которая служит выявлению «второго плана», философскому поэтическому обобщению, — во всех этих особенностях «Золотой кареты» сказываются и романтические элементы драматургической поэтики Леонова. Романтическая окраска пьесы усиливает ее трезвую правду, ее суровый, жесткий реализм. Так пьеса Леонова служит одним из весомых доказательств художественной широты социалистического реализма, вмещающего в себя самые разные индивидуальные поэтические системы, художественные манеры.

ПОЛКОВНИК Березкин, прославленный командир танковой дивизии, вышедший в отставку по конту-

рину, у которого война отняла жену и дочь, нестигаемый человек, воплощающий беспощадную, гневную и великодушную справедливость войны; бывший тактист Тимоша, готовившийся в звездочеты и потерявший зрение на войне; Мария Сергеевна Щелканова, председатель горсовета в старинном русском городке, злодейски разрушенном вражескими бомбами, — главные персонажи первой группы. Академик Кареев, его сын Юлий и живущий за сценой — но живущий полнокровной художественной жизнью — супруг Марии Сергеевны, представляющий собою «восемьдесят шесть килограммов мужской красоты» — вес ничтожества, трусости, предательства, — главные персонажи второй группы. И юная Марька, дочь Марии Сергеевны, примыкающая к первой группе но колебавшаяся, потянувшаяся на мгновение за мелкнувшим призраком волшебной кареты, вдруг приехавшей за нею без всяких еще с ее стороны подвигов и заслуг... Все эти персонажи встречаются в городке, любовь к которому сумел внушить нам автор. — городке со старинными святынями, городке, как бы представляющем Россию.

Мы подошли к композиции пьесы и хотим подчеркнуть, что эту композицию следует внимательно изучать, как анатомически настоящей большой драматургии. Перед нами исключительно удачный пример органического, подлинно живого, неразрывного сплетения, единства разнообразных сюжетных линий, когда развитие, движение каждой давней сюжетной линии одновременно означает и развитие, движение других сюжетных линий, так что как только мы от одной сюжетной линии переходим к другой, то убеждаемся в том, что эта вторая уже успела продвинуться, измениться в результате продвижения, изменения первой (конечно, тут очередность: «первая», «вторая» условны).

Сюжетно движущей фигурой пьесы является фигура войны — фигура полковника Березкина. Его послал гнев войны, гнев народа. Он приехал в этот городок потому, что еще в дни боев дал клятву покачать дезертира, не выполнившего важного

боевого задания. Этот предатель — муж Марии Сергеевны Щелкановой. В руках полковника — собственноручное письмо шкурника, изобличающее того в измене. Полковник знакомит с этим письмом Марию Сергеевну. Она уже давно знает цену своему мужу — развратному, пустому негодяю. Теперь она дополнительно узнает, что он еще и трус.

Действие пьесы развивается по двум главным сюжетным линиям. Два поколения — два любовных треугольника. Первый — Мария Сергеевна, академик Кареев и супруг Марии Сергеевны. Второй — Марька, дочка Марии Сергеевны, Тимоша и сын академика Кареева Юлий.

Двадцать шесть лет назад от начала действия пьесы юный учитель Марии Кареев в провинциальном городке полюбил Машеньку, ныне Марию Сергеевну Щелканову, «гордничку», тогда — дочку «состоятельных» родителей. Отец Машеньки рассердился на голодранца за его неуместную любовь и велел ему исчезнуть, указав, что за такой невестой, как Машенька, можно приехать лишь в золотой карете. И учитель исчез — добывать золотую карету... А Машенька не бросилась вслед за ним...

И вот он возвращается через двадцать шесть лет, прославленный, именитый. Двадцать шесть лет промечтал он об этой минуте торжества. — когда придет к ней, чтобы ослепить ее сверканьем своей блистательной судьбы, показать, как она виновата перед ним, перед собой, перед любовью, упиться справедливой мстостью. Эта мечта и была пафосом всей его жизни.

Казалось бы, все ясно, и он прав в своей заслуженной мести, и жизнь его победоносна. Он не нахлебничал, не был у жизни приживалом, не шел легкой дорогой, все добыл он беспокойным трудом разведчика земных недр. А она понесла заслуженную кару за то, что убила свою первую и единственную любовь. Ее супруг, сумевший когда-то увлечь ее ложным блеском, — фальшивый человек, — и есть воплощение кары, постигшей Марию Сергеевну.

Теперь, к моменту ее встречи со своей первой любовью, все, кажется, подготовлено к тому,

(Окончание на 3-й стр.)